

О КОРЕННЫХ ЗАКОНАХ ГОСУДАРСТВА

Каким образом коренные законы государства соделать столько неподвижными и непрменяемыми, чтоб никакая власть преступить их не могла и чтоб сила, в монархии вседействующая, над ними единственно никакого действия не имела? Сей вопрос всегда был наиважнейшим предметом размышления всех добрых государей, упражнением наилучших умов, общею мыслию всех, кто истинно любит отечество и не потерял еще надежды видеть его счастливым.

I

ОБ ОБРАЗЕ ПРАВЛЕНИЯ

Каждое государство имеет силы, самую природою в известной степени ему данные.

Силы государства суть: 1) силы физические или личные каждого члена, государство составляющего; 2) силы промышленности или народного труда; 3) силы народного уважения или чести, — других сил вообразить не можно.

Если бы государство могло быть одно на свете и составлено было из людей равно мощных или равно справедливых, тогда не было бы никакой нужды в правительстве, тогда каждый наслаждался бы в совершенной независимости личными своими силами, произведением своего труда и степенью своего в обществе уважения.

Но как никакое еще государство до сей степени просвещения на земле не достигло, да и достигнуть, кажется, не может, то каждое государство имеет нужду в таком средстве, которое

бы каждому доставило способ беспрепятственно пользоваться своими силами физическими, произведениями своего труда и своей степенью уважения в обществе.

Сие средство не может быть просто изъявление общей на то воли, ибо самые те, кои изъявили бы сию волю, через минуту, забыв ее, перестали бы ей повиноваться, и, следовательно, средство сие осталось бы без конца.

В самом деле, если бы государство, собравшись, сказало самому себе: никто отныне не должен возмущать другого ни в личных его наслаждениях, ни в собственности его, ни в чести и не обеспечило бы сие правило никаким установлением, которое бы могло сделать его необходимым, оно ничего бы не сделало ни для безопасности своей, ни для пользы.

Итак, средство, избираемое государством к охранению в неприкосновенности сил каждого, должно само в себе иметь великую силу.

Силы другой в государстве быть не может, как та, которую он уделить от собственных своих сил найдет для сего нужным.

Государство других сил не имеет, как только силы физические, произведение труда и общее уважение.

Итак, средству, им избираемому для необходимого его действия, государство должно уделить часть сил своих физических, своей собственности или народного богатства и часть сил своих моральных или общего уважения.

Средство, таким образом к обеспечению личности, собственности и чести каждого народом избранное и частию сил его одеянное, есть то, что называем мы вообще правительством.

Итак, всякому правительству при образовании его народ говорит: «Мы желаем, чтоб каждый из нас был удостоверен и огражден в своей личности, в своей собственности и чести. Для исполнения сего общего желания мы избрали тебя и, чтоб действие твое было не тщетно, мы не только изъявляем желание тебе повиноваться, но и даем тебе способы принудить каждого из нас к сему в случае непокорливости; мы уделяем тебе для сего часть наших сил физических, нашего богатства и нашего уважения. Из соединения первых составишь ты войско, из второго произойдут деньги, из третьего — почести. Все сии три рода сил будут в твоем распоряжении и будут на себе носить печать твою. Мы будем повиноваться твоим войскам, выменивать на труд наш твои деньги и уважать все то, что будет носить на себе знаки твоих

почестей. Власть располагать сими способами будет отныне твоим отличительным преимуществом, правом верховной власти».

В сем состоит первое основание всякого на земле законного правительства.*

По различию положений и образа мыслей народных состав правительства или образ правления может быть различен. Государство может вверить его или одному лицу, или многим, или всем.

Чтоб рассуждения сии сделать менее сложными, мы оставим сей последний случай, яко не могущий иметь места в великом государстве, и будем принимать в уважение только два первых.

Две ступени должно различать во всяком образе правления.

Первая, когда народ, вверяя избранному им одному лицу или многим верховную власть, к общим условиям о сохранении личности, собственности и чести не присовокупляет никаких подробных правил, но оставляет на волю правительства постановлять по лучшему усмотрению его сии правила и проводить их в исполнение. Сей образ правления есть деспотический.

Вероятно, что долгое время не было на земле другого правительства, как деспотическое, ибо оно есть самое простейшее, народам грубым свойственнейшее и ближе подходящее к патриархальному или домашнему.

Но когда государи престали быть отцами их народов, когда народы познали, что они отделяют свои пользы от их благосостояния, и силы, им вверенные, не только обращают не для него, но часто и против его, они нашли нужным к общим условиям, на коих воля народа установила правительства и коих неопределительность подвергла их самовластию, присоединить частные правила и точнее означить, чего именно народ желает. Сии правила названы *коренными государства законами*, и собрание их есть общее государственное положе-

* Из сего происходят следующие истины: 1) всякое законное на земле правительство устанавливается общею волею государства; 2) никакое правительство не может иметь другой цели в установлении своем, как только охранение граждан в их личности, в их имуществе, в их чести; 3) всякое правительство получает силы свои на тот только конец, чтоб достигнуть сей цели; 4) никакой силы собственной правительство иметь не может, — источник сил его есть государство; 5) всякое правительство существует на условии, и доколе оно исполняет сии условия, дотоле оно законно.

ние, или конституция. Правительство, на сем основании учрежденное, есть или ограниченная монархия, или умеренная аристократия.*

По различию коренных государства законов власть самодержавная бывает более или менее ограничена. Иногда законы сии оставляют ей власть делать все постановления до собственности личности и чести граждан относящиеся, только бы не отходили они от коренных законов, и вместе исполнять сии постановления; тогда власть законодательная остается соединенною со властью исполнительною; иногда все, что принадлежит до законов, народ приемлет на себя и устанавливает для сего особенную законодательную силу, и тогда правительство имеет только власть исполнять; иногда, наконец, народ, принимая правительство в соучастие власти законодательной, берет вместо того известное соучастие во власти исполнительной, подвергая ее своему отчету или назначая ей средства содержания. Все сии различные властей сопряжения, разделения и ограничения производят столько же различных образов правления. Но каким образом сии различные образы правления можно сделать в основаниях их непоколебимыми; какими средствами пределы власти, ими постановляемые, могут быть неподвижны, или, чтоб то же сказать яснее, каким образом собрание коренных государства законов, общее положение его сделать непременимым?

Раздробляя составы царств земных, ныне существующих или в древности процветавших, мы находим, что каждое из них имело две конституции, два образа правления, весьма между собою различные и часто даже противные, один внешний, другой внутренний.

Внешним образом правления называю я все те гласные и открытые постановления, грамоты, учреждения, уставы, коими силы государственные содержатся между собою в видимом равновесии.

Внутренним образом правления называю я то расположение государственных сил, по коему ни одна из них не может взять перевеса в общей системе, не разрушив всех ее отношений.

Рассмотрим, какое могут иметь влияние сии два образа правления на постоянство и непременимость законов.

* Из сего следует: 1) что коренные государства законы должны быть творением народа; 2) коренные государства законы полагают пределы самодержавной воле.

О ВНЕШНЕМ ОБРАЗЕ ПРАВЛЕНИЯ

Когда народ, постановив общею волею коренные законы, заставляет правительство торжественною присягою утверждать их непоколебимость; когда вследствие сего утверждения устанавливаются законодательные сословия, охранительные власти, парламенты, сенаты, государственные советы, сим еще никак не постановляются истинные пределы правительства; когда силы его при сем остаются в том же положении, в каком они до ограничения сего были, народ может назвать сей образ правления аристократическим, монархическим и даже республиканским, но в самом деле он будет деспотическим.

В самом деле, какие бы законы народ ни издавал, если власть исполнительная не рассудит приводить их в действие, они будут пустые теории; если законодатели не будут иметь средств заставить исполнительную власть приводить волю их в действие, мало-помалу они станут все под ее влиянием, и государство, сохранив всю наружность принятого им образа правления, в самом деле будет водимо единою волею правительства.

Если бы Англия не имела других пределов своего правительства, кроме видимого властей ее разделения, она была бы государство деспотическое со всеми своими парламентами и их славными спорами.*

* Те весьма ошибаются, кои думают, что в Англии закон потому только тверд, что в охранении его все государственные состояния участвуют, что парламент от государя столько же зависит, как и он от парламента, и что, наконец, все силы потому друг друга равновесят, что все они слиты воедино образом правления.

В самом деле, что может воспрепятствовать английскому королю обратить всю массу вверенных ему сил на испровержение английской свободы? Кому дает он отчет в части исполнительной? Не признан ли он конституциею ни ошибке, ни ответу, ни суду не подлежащим? Особа его не есть ли священна и неприкосновенна даже и тогда, когда бы он себе позволил деяния тиранские? (Blackstone, t. 1, сар. 7, р. 353). Правда, что министры отвечают за исполнение, но что такое сие ответственность на самом деле, если король во время суда министров самые явные их погрешности снимет на себя? Я бы желал тогда знать, каким судом будут судить *непреложного* infallible, но я полагаю, что министры, убоясь ответа и остановив исполнение королевских приказаний, предстанут в парламенте с доносом на злоупотребление, — что тогда сделает парламент? Найдет ли он в своих законах управу на сие злоупотребление? Прикоснется ли к неприкосновенному? Он откажет ему в суммах на содержание двора его и войск, но может ли отнять у него по конституции самый двор его и войска, и привлечет ли сих последних на свою сторону тем, что уморит их голодом?

Чего не позволил себе Генрих VIII под защитою и покровительством самого парламента? Каких насилий народной свободе, правам собственности, нравам и самой религии он не сделал? Не рукою ли самого парламента воспалил он сии

Рим под властью кесарей неоспоримо имел самое деспотическое правление, но наружный образ его был весь республиканский. Законы издавались от Сената; были народные трибуны; все почти разделение властей существовало в прежнем своем порядке, но свобода Рима была уже ниспровергнута в самых ее основаниях.

Тот, кто будет рассуждать о России по внешнему ее составу, по грамотам состояний, по учреждению Сената, по сильному корпусу наследственного дворянства, не признает ли правление ее монархическим?

Из сего следует, что внешний образ правления никак не определяет существа его, что он весьма может быть различен от внутреннего и даже быть совершенно ему противным.

Итак, внешний образ правления, как бы ни был он составлен, если не утвержден он на внутреннем, не может дать неподвижного основания законам.*

костры, на коих лучшие из подданных его погибли? Не им ли воздвигнуты были сии виселицы, где матери наследников престола были казнены? Не парламент ли постановил, что едина воля сего государя должна быть законом и проч. и проч. (Филанжиери).³

Те, кои рассуждали о сем государстве по видимой только или, так сказать, по писаной его конституции, были все согласны в сей истине, и Блэкстон, исчислив все преимущества народа и сделав себе вопрос: что бы мог народ противоположить, если бы король вздумал их отвергнуть, или переступить его пределы — бунт, отвечает. Но мне кажется средство сие и без конституции иметь можно.

* Из сего видно, как много те ошибаются, кои думают, что права, разным состояниям дарованные, или преимущества, разным сословиям судебным или и законодательным данные, могут сделать законы твердыми или установить образ правления, — это здание, воздвигнутое на песке.

Из сего также видно, сколько тщетно писать или обнародовать общие государственные положения или конституции, не основав их на действительной государственной силе. Они могут быть превосходны, но никогда не будут самостоятельны. Добрая воля благотворительного гения может дать им некоторую силу, но сия сила, не изливаясь из собственного существа их, будет единый призрак бытия, который по необходимости должен исчезнуть с переменою воли, его произведшей. Вся польза, какую могут извлечь законы из сих внешних установлений, состоит только в том, что они знакомят народ с понятиями прав, и, если в продолжение многих лет права сии останутся не нарушены и личными свойствами государей поддержаны, они могут столько утвердиться во мнении народном, что впоследствии труднее, а может быть, и опаснее будет их испровергнуть; но само по себе очевидно, сколь предложение сей пользы случайно и, можно сказать, лично.

Итак, повторим еще: тщетно искать в установлениях внешнего образа правления истинной силы государств и непреложного основания законов.

О ВНУТРЕННЕМ ОБРАЗЕ ПРАВЛЕНИЯ

Мы уже заметили, что всякое законное на земле правительство должно быть основано на общей воле народа.

Всякое правительство, сверх того, должно получить от народа известное количество сил, чтобы быть в состоянии действовать.

Итак, всякое правительство имеет в своем составе две стихии, или два элемента: 1) общую волю и 2) силу, народом ему уделенную.

Отсюда следует, что никакой образ правления не может быть ограничен, если не положатся точные пределы не только общей воле, но и силам, вверенным правительству.

Сила ограничивается силою, и не можно себе представить без смешения всех естественных понятий, чтоб когда-нибудь установления воли могли быть пределами сил. Это бы значило хотеть пространство измерять весом. Мы видели, впрочем, сколь тщетны были усилия законодателей, желавших на внешнем образе правления основать неподвижность законов.

Итак, если сила правительства не может быть ограничена как силою народа, то прежде всего нужно, кажется, рассмотреть существо сих обеих сил и определить, какие должна иметь свойства сия последняя, чтоб уравновешивать первую.

И, *во-первых*, очевидно, что обе сии силы один имеют источник. Правительство не может иметь другой силы, как ту, которую ему народ для действия его уделяет.

Во-вторых, народ не мог отдать всей своей силы правительству, иначе он пал бы в ничтожество.* Следовательно, часть ее по необходимости у него осталась.

* Были примеры, что народ среди жестоких возмущений, раздираемый бешенством безначалия, обгащенный кровию сограждан своих, пораженный ужасами внутренней войны в отчаянии бросался в объятия людей, им уважаемых, и мня, что едва всех сил его достанет к его защищению, отдавая их все и искал только спасения; но сие устремление народных мыслей должно принять действием ужаса, а не свободным расположением его воли; и самые властолюбивые диктаторы обыкновенно смягчали власть свою и позлащали железный скипетр свой видами умеренного правления. Знали, что народ, опомнившись от первых поражений страха, взывает прав своих и силы, и, если не возвращали их ему, по крайней мере окружали его всеми призраками вольностей и преимуществ, доколе не приучат его временем и расслаблением нравов носить спокойно его оковы. Вот история падения Рима.

Итак, никогда народ в свободном воли его расположении не мог отдать правительству всех сил своих, и, если оно когда-нибудь воспользовалось минутами заблуждения его, насилие или обман тем не превратились в право.

Отсюда следует, что всякое правление самовластное есть насильственно и никогда не может быть законным.

Но *третье*, если силы правительства и силы народа одинаковы в их источнике, то в свойствах своих весьма различны.

Силы, вверенные народом правительству, в руках его соединились в одну массу. Из сил физических составились войска, из богатств народных — деньги, из уважения — почести. Напротив, силы, оставшиеся у народа, остались рассеянны.

Силы правительства сверх той поверхности, которую естественно берут они над рассеянными силами народа своим соединением, имеют еще то особенное свойство, что бытие их есть исключительно, ибо как ни в каком благоустроенном государстве не можно допустить, чтоб частные общества выпускали под своею печатью государственную монету, так не можно дозволить, чтоб частные люди имели свои войска и раздавали бы почести. Это не было бы одно государство, но множество удельных систем, соединенных некоторым союзом. Образ правительства бедственный и нелепый.

При таковом видимом превосходстве сил правительства нельзя, однако же, не почувствовать, что силы народа в количестве своем несравненно их превышают. В самом деле, странно бы было вообразить себе такое государство, в коем бы было более войска, нежели людей, более денег, нежели произведений народного труда, и более почестей, нежели сколько мнение народное оправдать и утвердить их может.*

В сем состоит *первое* преимущество сил народных пред силами правительства.

Второе преимущество, не менее важное, состоит в том, что не правительство рождает силы народные, но народ составляет силы его. Правительство всемошно, когда народ быть таковым ему попускает.

* Каждое государство имеет в известную данную эпоху точное и определенное количество сил; познать сии количества и по мере их располагать их употребление — в сем состоит политика. Если правительство вздумает умножить число войск более того, что личные силы государства уделить ему могут, оно произведет минутный призраок вооружения, но в самом деле обессилит и расслабит государство.

Если вздумает оно больше пустить денег, нежели что труд народный отделить ему может, оно введет мнимую монету и расстроит связь промыслов с доходами; наконец, если оно вздумает расточать почести и раздаст их более, нежели сколько мнение народное основать на делах и утвердить их может, оно произведет ложные и никем не уважаемые чины и отличия. Таким образом, могут быть в государстве войска без сил, деньги без богатства и почести без уважения. Таким образом, все силы государственные имеют свою бумажную монету, которая, покружась некоторое время, теряет свой кредит и обращается в ничтожество. Силы государственные приходят тогда опять в свое равновесие.

Итак, народ всегда имеет в самом себе достаточную силу уравновесить или ограничить силу правительства.

Но есть два обстоятельства, которые силы народа, так сказать, умерщвляют.

1) Чтоб силу правительства ограничить, не стесняя ее, однако же, в своем действии, надобно, чтоб сила народа действовала только на пределах власти и никак бы их не преступала; следовательно, надобно, чтоб каждый член народа знал сии пределы и готов бы был защищать их при малейшем к ним прикосновении. Но каким образом можно предположить в народе познания сии и готовность к защите? Каким образом целый народ может быть на страже?

2) Народ не только должен знать точные пределы власти и быть готовым всечасно защищать их, но он должен быть соединен в своих видах во всей его массе; иначе при малейшем разделении польз разных его состояний силы его истощаются во взаимной борьбе их между собою и не дадут ему возможности противопоставить что-либо правительству.

Вот обстоятельства, кои во всех правлениях силы народ-ные делают ничтожными и утверждают самовластие.

Рассмотрим, каким образом препятствия сии могут быть отъяты.

Во-первых, нет ничего нелепее и убийственнее для свободы, как раздробление состояний по промыслам их и исключительные права их. Правило сие можно назвать коренным уложением самовластия.

В самом деле, какую бы силу народ не имел в своем характере, если он будет раздроблен на мелкие классы, если каждый класс будет иметь свои особенные выгоды и преимущества, можно утвердительно сказать, что никто ничего иметь не будет; все будет управляемо неограниченною волею, коей знаменем во всех веках было: *раздели и царствуй, divide et impera*.

Итак, первый шаг, какой государство может сделать к ограничению самовластия, без сомнения должен состоять в том, чтоб силы его, не истощаясь взаимною борьбою состояний, соединялись бы все к тому, дабы уравновесить силу правительства.

Во-вторых, поелику нельзя себе представить, чтоб весь народ употребил себя к охранению пределов между им и правительством, то по необходимости должен быть особенный класс людей, который бы, став между престолом и народом, был довольно просвещен, чтоб знать точные пределы власти, довольно независим, чтоб ее не бояться, и

столько в пользах своих соединен с пользами народа, чтоб никогда не найти выгод своих изменить ему. Это будет живая стража, которую народ вместо себя поставит на пределах государственных сил.

Итак, два только великих разделения можно допустить в государстве ограниченном: высший класс народа, представленный на стражу и охранение закона, и низший класс народа, разделенный именем и наружностью, но пользами с первым соединенный.

Рассмотрим, во-первых, каким образом высший сей класс должен быть составлен, чтоб соответствовать великому своему предназначению.

I. Он должен составлять собою не место какое-либо, по избранию наполняемое, но целое состояние народа. Если бы состав его был избирательный, тогда более или менее всегда от власти правительства зависело бы его бытие, ибо правительство всегда нашло бы способ или уничтожить самое его избрание, или так расположить его влиянию своего богатства и почестей, чтоб в выбор сей помещены были одни люди, ему преданные. Итак, стражи закона должны родиться таковыми; они должны иметь независимость бытия. Первое свойство высшего класса народа.

Отсюда происходит необходимость, признанная во всех монархических правлениях, чтобы в массе народа были известные роды, коих преимущество неотъемлемым должно быть охранение закона или посредство между народом и престолом.

II. Вторым свойством высшего класса должна быть *независимость в местах государственных от назначений верховной власти*.

В самом деле, если места государственные (я различаю их от мест государевых) будут зависеть от назначения двора, каким образом можно предположить, что состояние, коего виды любопытствия зависят от одного лица, с сим лицом не было во всех случаях согласно. Я предполагаю, что собственность сего состояния неотъемлема и по государственному положению от самовластия двора не зависит. Но что такое сия собственность в глазах человека, который образован к чести, к властолюбию, т. е. в глазах большей части людей. Сколько найдется умов твердых и непреклонных, кои бы, ограничив себя сим правом, согласились заточиться в их владении и отказаться от всего при первом ударе самовластия? Да если бы нашлось их много, места их не будут ли наполнены тотчас другими, и голос ропота не будет ли тотчас заглушен похвальными восклицаниями

новых вельмож, из ничтожества сотворенных? Самая уверенность в собственности высшего класса народа, сколько бы ни была она основана на законе, не может ли поколебаться, когда монарх имеет способы, тем же самым законом ему позволенные, прикрывать несправедливости, одному лицу сделанные, милостями и щедротами другому оказанными? Отъемля одной рукой частные сокровища и рассыпая их другою, что делает он иное, как только переменяет подпоры своего могущества, никак его не ослабляя? Сего недовольно. Он может самый высший класс народа соделать орудием своих страстей и людей, созданных к их обузданию и к охранению закона, употребить к его испровержению. Составив из них главные судилища, он печатю правосудия осветит и утвердит свои прихоти и, низложив все, будет еще идолом народа, обыкновенно проклипающего бич, коим он поражается, и редко видящего руку, которая сокровенно им управляет.

III. Третье свойство сего класса должно быть то, *чтоб пользы его соединены были с пользами народа.*

Если сей класс при независимости его не будет иметь сего соединения, он соделается ужаснее, нежели самое неограниченное самовластие. Когда власть предержавшая рассудит, преломив законы, отяготить народ нестерпимыми налогами и разделить корысть неправды со стражами закона, кто тогда противостанет сему насилию? Кто защитит права народа? Когда и в каком государстве сторона человечества была сильнее стороны страстей и корыстолюбия? Отсюда происходит, что везде, где высший класс народа не был с ним тесно соединен в своих пользах, низший был в жесточайшем рабстве и унижении.*

* Известно, как в 1660 г. датчане, преогорченные аристократическим самовластием дворянства, лучше захотели подвергнуться скипетру одного деспота, нежели иметь их тысячи, и на сейме, в том году бывшем, присвоили Фредерику III⁴ всю власть, какую мог когда-нибудь иметь государь самый неограниченный. Поступок, вынужденный отчаянием, но обратившийся во спасение государству. Чтоб узнать, до какой степени власть дворянства соделалась народу ненавистна и страшна, надобно прочесть в Маллете XXVI статью датской конституции. В ней не только присвоится королю всевозможная, неограниченная власть, но постановляется, что если бы где-нибудь и когда-нибудь нашлось или выдуманно было что-либо усиливающее сию власть, то весь народ датский наперед королю своему присвоит и определяет. И в наши дни известно, какие усилия противоположило венгерское дворянство мудрым установлениям Иосифа II⁵ в пользу народа, и, к несчастью, известно, что сей государь, увлеченный стечением обстоятельств, принужден был пред кончиною своею отступить от всех почти своих благодетельных, но, может быть, слишком скороспешных предположений.

Но каким образом положить сию связь между народом и особенным классом его? Весьма просто, если постановлено будет: 1) чтоб дети сих людей, исключая первородных, были в числе народа, тогда притеснять народ было бы притеснять собственных своих детей, 2) чтоб все то, что касается до имений сего высшего класса, ведомо было в судилищах, по избранию народа составляемых.

Впоследствии изъяснится сие пространнее.

IV. Но, дабы соединение сие высшего класса с народом не удалило его вовсе от действия престола и не разлучило бы их от общей связи, должно, чтоб знаки почестей его не только оставались бы в расположении правительства, но чтоб имело оно власть и возводить в сей класс определенное число отмеченных им людей. Сверх того, та же самая связь, которая должна существовать между народом и престолом, будет соединять с ним и высший класс, коего большая часть поколения будет в народе.

V. Высший класс народа, таким образом составленный, должен соединять в себе уважительную часть богатства государственного. Представляя собою силу народа и служа оплотом ему против самовластия, он должен и по самой наружности своей отражать на себе достоинство великого его звания. Бедность в настоящих политических системах не может почти быть совместна с уважением, а тем менее с духом независимости.

VI. Сколь класс сей должен быть силен по политическому своему положению, столь же должен он быть и малочислен. Рассеянность сил на мелкие части всегда вредит их действию.

Определив сим образом обязанности и права высшего состояния, нетрудно будет определить положение низшего класса народа.

I. Народ есть все то, что не принадлежит к высшему малочисленному классу государства. Дети первого государственного чиновника, исключая первородного, должны принадлежать к народу.

II. Не может никакое сословие народа иметь исключительного права на владение какою-либо собственностью в государстве, но все могут обладать тем, что ими в собственность приобретено.

III. Народ должен участвовать в составе законов, ежели не всех, то по крайней мере коренных.

IV. Охранение законов, поелику он требует действия постоянного и непрерывного, народ вверяет высшему классу, силу его в сей части представляющему.

V. Все имении народа наследственны, но должности его все избирательны.

VI. Суд народа проистекает от равных ему.

Таковы суть общие черты, разделяющие государственные силы; подробности их зависят от коренных правил, кои по положению государства, по степени просвещения его могут быть различны; но общие сии черты должны быть везде, во всех веках и во всех ограниченных монархиях одинаковы.

Спросят, может быть, какую силу государство, сим образом во внутреннем своем правлении устроенное, может противопоставить, когда государь предприимчивый и властолюбивый вздумает, опрокинув его коренные законы, испровергнуть права его и попрасть его свободу? Следующую: *во-первых*, никакое и самое малейшее нарушение закона не может произойти от правительства, чтоб оно в то же время не было примечено высшим классом народа, поставленным для охранения закона, и, следовательно, всем народом по естественной связи между им и сим классом существующей. Отсюда голос ропота не будет частным отголоском недовольствия, но голосом целого народа, а народ всегда и для всех ужасен, когда вопль его совокупится воедино; *во-вторых*, чтоб предупредить сие соединение, правительство естественно захочет усыпить стражу законов и, обратив притеснение на народ, рассыплет на высший класс его свои благодеяния. Но какие благодеяния могут заставить забыть отцов, что дети их страдают? И какие благодеяния могут обольстить людей, призванных от рождения их к чести, покрытых народным уважением и приобыкших к независимому богатству? *Третье*. Если вместо того правительство обратит виды свои на притеснение одного высшего класса — он найдет всегда себе подпору в народе, в естественных связях их, в общем уважении. Наконец, *четвертое*. Если, презрев вопль народа и чувство страха, правительство дерзнет на все крайности, какие самовластие в лютости своей позволить себе может, какое тогда средство против ужасов таковых может представить сей образ правления? Ответ на сие удобен, какое средство силы человеческие могут представить против тамерланов и тому подобных чудовищ? И какие законы могли устоять, когда царства разрушались? Но что здесь должно приметить и что совершенно отличает благоустроенное монархическое правление от всех других, есть то, что самые кровопролитные внутренние смятения, повергающие рес-

публики в рабство, а деспотические правления приводящие в безначалие, в монархических правлениях подобны бывают сильным ветрам, кои, нанося частный вред, очищают всю массу атмосферы. Все преобразования в Англии заканчивались вящим утверждением ее свободы.

Соберем здесь в одну точку зрения главные истины, которые доселе мы проходили.

I. Законы суть правда, по коим силы государственные действуют к охранению лица, чести и имущества народного.

II. Чтоб законы были неподвижны, нужно, чтоб пределы сил правительства были непременно ограничены.

III. Расположение сих пределов есть образ правления.

IV. Образ правления есть внешний и внутренний.

V. Внешний образ правления не может удостоверить пределы сил.

VI. Сила правительства ограничивается равновесием сил народных. В сем состоит внутренний образ правления.

VII. Равновесие сил народных требует, чтоб они все одно имели направление, но чтоб власть, стерегущая пределы, была отделена и независима.

VIII. Прочие части народа должны быть совершенно равны в правах своих и составлять едино.

Заклучим сие великою истиною великого человека: *point de noblesse, point de monarchie* (Montesquieu),* и обратимся от сих общих рассуждений на Россию.

II

Я не знаю, какие предположения имели российские государи от времен Петра I на счастье России, но их всегдашнее старание было дать сему царству все внешние виды монархического правления и удержать в своих руках все неограниченное самовластие. Думали ли они в самом деле, что права и грамоты, на бумаге данные, составляют истинный образ правления; или находили нужным ознакомить сперва людей с именами, чтоб впоследствии позволить самое действие; или признавали в душе своей то справедливым, чего не решились на деле исполнить; или, наконец, не имея постоянного плана, действовали они по минутным вдохновениям; как бы то ни

* [Нет дворянства — нет монархии (Монтескье)⁶ (фр.)]

было, но ни в каком государстве политические слова не противоречат столько вещам, как в России.

Не говоря об установлениях государственных мест и судилищ, которые все покрыты монархическими видами, чего у нас недостает в самом внутреннем образе правления? Сенат не назван ли хранилищем законов? Дворянство не есть ли урожденный их страж? Нет ли свободных состояний? Купечество, мещанство и самые поселяне казенные не имеют ли своих прав и преимуществ, не судятся ли своим судом и проч. и проч.?

Вот заблуждение, в которое впадают ежечасно наши площадные политики, когда позволяют себе умствовать о России.

У нас все есть по наружности, и ничто, однако же, не имеет существенного основания. Если монархическое правление должно быть нечто более, нежели призрак свободы, то, конечно, мы не в монархическом еще правлении.

В самом деле, не говоря уже о тщетности политического бытия разных государственных мест, что такое есть самое дворянство, когда лицо его, имение, честь — все зависит не от закона, но от единой воли самодержавной; не от сей ли воли зависит и самый закон, который она созидает, одна сама собою? Не может ли она возводить и низводить дворянские роды единым своим хотением? Не она ли созидает суды, определяет высших судей, дает им правила и правила сии отменяет или утверждает по своему изволению? Не в ней ли весь источник чести и уважения; не ей ли принадлежат по самым словам закона все государственные богатства, все земли, все имущества и право частных собственности; не есть ли право его только дозволенное; владельцы сии не суть ли ее наемники (*usufruitiers*)?

Я бы желал, чтоб кто-нибудь показал различие между зависимостью крестьян от помещиков и дворян от государя; чтоб кто-нибудь открыл, не все ли то право имеет государь на помещиков, какое имеют помещики на крестьян своих.

Итак, вместо всех пышных разделений свободного народа русского на свободнейшие классы дворянства, купечества и проч. я нахожу в России два состояния: рабы государевы и рабы помещичьи. Первые называются свободными только в отношении ко вторым, действительно же свободных людей в России нет, кроме нищих и философов.

При таковом разделении народа в отношении к престолу каким образом можно думать о каком-нибудь образе правления, о каких-либо коренных законах, — какие пределы можно

положить между двумя сторонами, из коих одна имеет все роды сил, а другая не имеет ничего? Какие пределы положить между бытием и ничтожеством, между божеством и его созданием — не всегда ли сие последнее будет то, чем быть ему повелит первое? И после сего мы думаем о грамотах российскому народу.

То, что довершает в России умерщвлять всякую силу в народе, есть то отношение, в коем сии два рода рабов поставлены между собою. Пользы дворянства состоят в том, чтоб крестьяне были в неограниченной их власти; пользы крестьян состоят в том, чтоб дворянство было в такой же зависимости от престола; первые, не имея никакого политического бытия, всю жизненную свободу должны основать на доходах, на земле, на обработании ее и, следовательно, по введенному у нас обычаю, на укреплении крестьян; вторые, в рабстве их стесняющем, взирают на престол как на единое противодействие, власть помещиков умерить могущее.*

Таким образом, Россия, разделенная в видах разных состояний, истощает силы свои взаимно борьбой их и оставляет на стороне правительства всю неограниченность действия.

Государство, сим образом составленное, какую бы, впрочем, не имело оно внешнюю конституцию, что бы ни утверждали грамоты дворянства и городовые положения, и хоть бы не только два Сената, но и столько же законодательных парламентов оно имело, государство сие есть деспотическое;

* Сколько бы дух человеколюбия, просвещения и добрых установлений ни распространялся, все сие может произвести частное добро, но никогда не сделает общего, ибо самые превосходнейшие государства всегда правились сопряжением внутреннего интереса и, судя по расположению его, правились к счастью народа или к его угнетению. В самом деле, что такое есть просвещение для народа в рабстве, как не способ живее чувствовать горесть своего положения и как не повод к волнениям, кои должны кончиться или вящим его порабощением, или ужасами безначалия. Из человеколюбия, равно как и из доброй политики, должно рабов оставить в невежестве или дать им свободу.

Думают, что свободе должно предшествовать народное просвещение. Но что такое понимают под словом просвещение? Если понимают под сим возвышенный образ мыслей, тонкие различия истины от лжи, чувство морального добра, то вероятно, что до сей степени просвещения никогда и никакой народ здесь на земле не доходил и, вероятно, долго еще не дойдет, да и нужды в том я не вижу. Вместо чувства нравственности народ имеет религию, которая хоть и не столь тонко, но довольно ясно определяет для него, в чем грех и в чем спасенье. Вместо логики у него есть простой добрый смысл, по кругу нужд его достаточно ему указующий правду и ложь, а чтоб представлять себе огромность вселенной, ничтожество человеческих желаний, страстей и самого познания, я не знаю, к чему послужит сия высокая философия земледельцу.

и доколе элементы его будут стоять в тех же между собою отношениях, дотоле не будет оно монархическим.

Если же под именем просвещения разумеют некоторое участие в полезных истинах, сообщаемых нам чрез книги, если разумеют усовершенствование видов промышленности и образа жизни, то я не понимаю, каким образом сей род учения может человек получить в рабстве; напротив, я думаю, что он должен иметь прежде некоторое бытие, некоторый участок свободы, которая одна дает жизнь и движение разуму и воле.

Итак, по настоящему разделению состояний в России все перемены в образе ее управления будут касаться только внешних, и прочного добра на сей пропорции сил народных никак основать не можно.

Сие естественно ведет к тому заключению, что необходимо должно положить другой раздел состояний и переменить отношения их как между собою, так и к престолу.

Выше видели мы, что в благоустроенном правлении вся масса сил народных должна быть разделена на два класса: на высший и низший.

Высший класс должен быть установлен на праве первородства и предопределен по роду своему к первым государственным местам и к охранению законов. С народом связан он будет неразрывными узами родства и имений, с престолом — столь же неразрывным союзом почестей и некоторым количеством собратий своих, волею монарха в сословие его вводимых. Сей класс будет составлять истинное монархическое дворянство.

Низший класс или народ будет все то, что по праву первородства или по особенному изволению монарха не принадлежит к высшему. С престолом связан он будет службою в войсках и в гражданстве, почестями, богатствами, самою взаимностию сил, с высшим классом — родством, уважением и самым званием хранителя законов. Он будет вмещать в себя весьма уважительную часть государственного богатства и просвещения. Единое разделение, какое в правах его допустить должно, будет разделение дарований, способностей и добродетели. Кто дерзнет после сего притеснять или презирать его?

Положив таковое начертание внутреннему образу правления, рассмотрим, какие из самого настоящего положения России можно извлечь способы к его установлению.

Во-первых, желать внешним образом правления установить равновесие во внутренней системе, конечно, невозможно.

Перемены, в сем роде сделанные, ничего не произвели, кроме смешения понятий.

Во-вторых, хотеть в год, в два, без крутостей, без разрушения не только разобрать по частям прежнее огромное здание, но и воздвигнуть новое, конечно, невозможно. Состояние государств устрояется веками, и устрояется почти само собою: тот великий человек, кто положил ему твердое основание. Отчего все творения природы столь совершенны и столько кажутся удобны? Оттого, что она долгое время во мраке молчания и тайны приуготовляет их, располагает одним приемом все их части и не прежде выводит на свет, как дав им внутреннюю силу, их оживляющую. После сего они растут и усовершенствуются сами собою; таким же точно образом должны быть приуготовляемы и перерождения царств земных. То, что кажется невозможным в одно время, быв расположено на известные эпохи и основано на общем непременимом плане, самым движением времени и обстоятельств приходит к совершенству.

Третье, если бы совершенная невозможность устроить прочным образом счастье России без перемены в состояниях и не доказывала очевидным образом необходимость сей перемены; если бы и не была уже тому полвека доказана та истина, что никакое европейское государство, в связи с прочими стоящее, не может долгое время быть деспотическим, то надобно только взглянуть на общую степень просвещения, на прилив и отлив мыслей и примеров соседних, на чувство внутреннее, надобно только прислушаться к народному глухому отголоску, чтоб открыть и нужду сей перемены, и узнать степень общих надежд и желаний. И впрочем, в чем должна состоять сия перемена? В превращении ли состояний? В прикосновении ли к правам престола? Всевышний да упасет от сего Россию! Перемена сия должна состоять единственно в соглашении сего ощутительного противоречия, какое у нас есть между видимою формою правления и внутреннею, в исполнении на самом деле того, о чем в продолжение целого века государи твердили народу, в утверждении престола не на сне народа и очаровании предрассудков, но на твердых столпах закона и всеобщего порядка.

Кем, когда и в каких обстоятельствах должна совершиться сия перемена? Государем всемогущим, народу своему любезным, столько же осторожным, как и просвещенным, который не решится приступить к сему делу, не осмотрев его во всех

частях, не приуготовив его продолжением времени и тихим, так сказать, покатом самих обстоятельств.

Отчего преобразования государств были часто столь бедственны? Оттого, что их начинал вопль народа, производила дерзкая предприимчивость, оканчивало пресыщение зол. Оттого, что не управляли ими мудрые государи, но бешенство страстей народных. Мудрость правительства не в том состоит, чтоб ожидать и покоряться происшествиям, но в том, чтоб владеть самою возможностью их и силою разума исторгать у случая все, что быстрое ему устремление может иметь вредного.

Доказав, таким образом, возможность и нужду перемены во внутреннем расположении России, приложим теперь постановленные выше общие начала к настоящему ее положению.

И, во-первых, что может воспрепятствовать отделить два, три или четыре первых класса от прочего дворянства и начать тем, чтоб учредить в сих четырех классах право первородства. Учреждение сие не будет новостью, но воззвание дворянства к тем началам, на коих оно до самых времен Петра I в России состояло.* И даже сей государь, уничтожив прежние разделе-

* В древней России бояре и дворянство имели весьма различные знаменования. Первые занимали по большей части государственные места, были полководцами, имели великие поместья, составляли государеву Думную Палату, или Совет, и равнялись тому, что в Европе известно было под именем высшего дворянства, князей, графов, маркизов и баронов. Вторые составляли по большей части их свиту или дружину, имели подчиненные им должности, составляли их двор, владели небольшими поместьями и по многим отношениям зависели от первых. Если первых по тогдашней общей феодальной системе можно назвать *suzerains*, то последние не что другое были, как их вассалы, но как в России достоинство боярина не привязано было ни к праву первородства, ни к владениям, то роды сии и не могли быть постоянны, и так называемые дети боярские составляли род дворянства, подчиненного боярам и весьма от них различного. С другой стороны, государи российские, всегда почти неограниченные, часто находили удовольствие и, может быть, и политику свою в том, чтоб усмирять гордость бояр уничтожением целых их родов и возведением новых в сие достоинство. Таким образом, часто дворяне и даже думные дьяки родом из церковников переходили в звание бояр по должностям их, а роды боярские, рассекая большие имения посредством наследств на малые части и не участвуя в государственных делах, падали в простое дворянство и часто исчезали.

Таким образом, хотя и дворянство вообще приобреталось рождением, но высшее дворянство всегда снискивалось или заслугами, или милостью; и старые князья, и бояре имели то только утешение, что в публичных собраниях спорили с новыми дворянами о местах и о председании, откуда и произошло местничество.

Чтоб уничтожить сии неокончаемые споры, государь Петр I уничтожил почти и самое дворянство, основав все его степени на службе и сделав ее необ-

ния, самовластной его системе противные, сам вскоре почувствовал, что слишком много сделал, и потому постановил закон о праве первородства, который впоследствии, однако, был отменен.

Кому может быть вредно или предосудительно такое разделение? Высшему ли классу? Но он приобретает сим выгоды, коих прежде не имел. Сколько раз повторяемы были жалобы старых дворян, что роды их, раздробляясь, нечувствительно угасают, что дети великих людей, управлявших государственными делами, державших, так сказать, в некотором к себе уважении и самых неограниченных государей, сходят малопомалу со своей степени и становятся на одной чреде с коллежскими регистраторами, вчерась из праха восставшими. Здесь не место рассуждать, до какой степени жалобы сии в истинном порядке вещей могут быть справедливы, но нельзя не заметить, что они существуют и что бытие их доказывает уже, сколь удобно сие разделение народа на два класса введено быть может. Одна неудобность, весьма, впрочем, случайная и скоро прейти долженствующая, состоять будет в том, что сей класс людей много ныне имеет примеси дворян и без достоинств и без уважения, но это пройдет, и не минет еще столетия, как роды сии очистятся и будут иметь все свое и внешнее и внутреннее достоинство. От власти государя, впрочем, зависеть будет перевести в сей класс несколько богатых людей, ниже его стоящих. Несмотря на все умствования метафизического равенства, в великом государстве нужны не только Юлии Кесари, но и Крассы. Доколе сии последние живы, доколе первые не смеют похищать верховного правления.

Низшее ли дворянство может оскорбиться, видя, что сим разделением оно смешается с народом. Но, во-первых, на чем оно может основать свой ропот? Конечно, если бы правительство вдруг вздумало обнародовать, что дворянство причисляется к народу, провозглашение таковое могло бы быть оскор-

ходимую каждому дворянину; таким образом, старый столетний дворянин, коего деды и прадеды были боярами, нашелся в повелениях нового дворянина, бывшего у отца его в услужении. Таким образом, дворянство потеряло почти и последний вид своей независимости, право рождения. Мера сия по тогдашнему положению дел была, может быть, необходима. Но как скоро государи увидели власть свою совершенно, а может быть, и слишком утвержденною и Россию нашли вне опасности уделов, они признали справедливым ослабить сии узы и, дозволить дворянству не служить, довольствовались тем, чтоб степени его держать в своих руках.

бительно; но если правительство, зная, что всегда люди более хватаются за слова, нежели за вещи, не напишет, но произведет на деле сии разделения, что может тогда сказать дворянство? Какие права у него сим отъемлются? Не присутствует ли оно и ныне в одних судах с прочими состояниями? Не от власти ли государя зависит и ныне пожаловать половину России в дворяне? И не сделано ли уже сие тем самым, что дано всем право владеть землями? Что ж у дворян отъемлется? Самых младших детей первоклассного дворянства не можно ли успокоить тем, чтоб, за исключением коренных фамильных имений, все приобретаемое отцом переходило к ним наравне с первородными.

Теперь осталось определить, когда и каким образом удобнее назначить эпоху сего разделения.

Тот же самый государственный сейм, который должен быть созван для постановления Уложения, положит и сему разделению первое основание.

Чтоб ничего не отваживать и идти постепенно, *во-первых*, разделение сие наметится тем, что дворянство первых четырех классов будет иметь отделенную свою камеру заседания; дворянство прочих классов будет помещено в одном заседании с народом.

Второе. Дворянству высших классов, в середине его упражнений о составе Уложения в главе о наследствах, предложится восстановить древний Петра I закон о праве первородства, ограничивая его действие только на сие состояние; можно утвердительно сказать, что он принят будет с восхищением; споры, какие могут на него произойти в соединенной камере народа, не могут быть приняты, ибо закон сей до него никак не принадлежит. Его право останется во всей своей силе.

Третье. В то же время предложится закон, что, исключая первых четырех классов, не будет титулярных чинов. Советник правления должен быть советник правления, а регистратор коллегии должен быть регистратор и более ничего. Все различия классов сим уничтожаются, останутся только различия мест и должностей. Закон сей столь удобен, что и ныне его неоднократно предлагали, и как он по существу своему не что другое есть, как правило государя в раздаянии почестей, то он и зависит от единой его воли. Никто и никакого права не имеет постановлять образ, по коему государь должен раздавать награды, когда раз навсегда источник чести народ ему вверил.

Четвертое. Постановить, чтоб дела в присутственных местах слушаны и решены были всеми заседателями вместе (исключая дел уголовных высших четырех классов, которые естественно судятся в одном высшем судилище). Сей закон также столько удобен, что от двух или трех голосов зависело и ныне в Сенате решить вопрос о нем положительно. Сии два закона, третий и четвертый, можно ввести и прежде Уложения, а тем ознакомить уже с ними народ.

Сии четыре положения, утвердись, временем сотрут все нелепые различия, какие ныне существуют, и соединят все сосостояния в единую массу. Дворянин будет носить имя и, если угодно ему, будет им и гордиться. Но правами, ему равными, будет пользоваться вся Россия.

Правда, что останется еще в первых временах у дворянства великое отличие от прочей части народа — право владеть крестьянами в крепость. Но как бы уничтожение сего права ни казалось затруднительным, оно столько противно разуму общему, что должно рассуждать о нем, яко временном и непременно прейти долженствующем.

Часть сия требует, конечно, особенных споров, и сие не поэтому только, что предугверение сие слишком глубоко врезано, но и потому, что неосторожным к нему прикосновением можно нанести чувствительный удар самому земледелию, ибо известно, что раздробительное обрабатывание полей в нашем краю, по бедности наших крестьян, никогда не может иметь того успеха, какой имеет соединенное и в большом виде.

Как бы то ни было, но, кажется, разделив сию часть на две эпохи, можно будет и ее привести к счастливому концу.

В первой эпохе ограничить себя должно тем, чтоб постановить известную меру повинностей, коих помещик законно может требовать от земледельца, и вместе с тем, в успокоение самих помещиков, учредит некоторую расправу между ними и крестьянами. Закон сей имеет уже основание в наказе покойной государыни императрицы. Его можно предложить собранию в самом составе Уложения. Посредством сего закона крестьяне сами по себе и без всякого другого гласного постановления из личной крепости помещиков перейдут в крепость земле и будут только приписными. Сим положится первая степень их искупления.

К сему закону можно присоединить еще и то учреждение, чтоб подати подушные сложить на землю и в форме крепостей на имение, не исчисляя душ, писать только пространство и

меру земель, — два обстоятельства, кои совершенно и ныне и всегда зависят от воли государя.

Во второй эпохе, которая, конечно, не может быть близка и должна быть приготовлена многими частными распоряжениями, возвратится крестьянам и древнее их право свободного перехода от одного помещика к другому, и тем самым совершится уже и конечно их искупление. Но я еще повторяю, сия последняя степень возрождения России требует времени и многих приготовлений, и повторяю сие не потому, чтоб бояться народных возмущений, но потому, что по пространству наших земель и малочисленности народа вольность такая может заставить крестьян обратиться к некоторому роду кочевой жизни, столько же им, как и общей государственной экономии, пагубной.

Предметом всех сих рассуждений было не установление коренных законов и не начертание внешнего образа правления, но единственно изыскание того основания, на коем сии законы и сей образ правления поставлен быть должен, если когда-либо силы небесные, покровительствующие ныне столь особенно России, будут на сие преклонны. Вот для чего многие подробности, весьма, впрочем, существенные, здесь слегка только назначены, а может быть, тем самым действие целого состава лишено своего света; оно могло бы быть совершеннее, если бы наперед положен был план здания, коему здесь ищется основание. Но если начало равновесия, управляющее миром физическим, имеет свою силу и в мире политическом, то труд сей был не тщетен. В великих истинах и слабые опыты имеют свою цену.

1802 г.